

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Поршнева О.С.
(Екатеринбург)

Актуальные проблемы преподавания методологии истории в вузе

В современной ситуации в сфере исторического познания многократно возрастает значение теоретической рефлексии, методологической оснащённости историка. Это определяется рядом взаимосвязанных обстоятельств. С одной стороны, реальным методологическим плюрализмом, утвердившимся в нашей стране в последние полтора десятилетия, разнообразием используемых в науке концептуальных подходов, что требует умения осознанно ориентироваться в них, квалифицированно применять в преподавательской и исследовательской деятельности. С другой стороны, влиянием тенденций, характеризующих развитие мировой историографии в последние десятилетия. Среди них следует выделить воздействие так называемых интеллектуальных «вызовов» эпохи постмодернизма, ставящих под сомнение научность исторического знания, а также развивающуюся междисциплинарную кооперацию в сфере социально-гуманитарного познания. Эти обстоятельства обуславливают необходимость дальнейшей разработки ряда фундаментальных для исторической науки проблем, прежде всего природы, специфики исторического познания, его предмета и методов. В этом плане требуется уточнить представления о предмете и методе истории, отличающих ее от других социальных дисциплин и позволяющих сохранять свою дисциплинарную идентичность в условиях «размывания» предмета исторической науки, а кроме того – разработать качественно новую методологию исторического исследования, как исследования междисциплинарного. Понимание актуальности обозначенных задач, а также осознание скромных результатов в их решении, характерно сегодня для ведущих представителей исторического профессионального сообщества (1). Директор Института всемирной истории РАН академик А.О. Чубарьян на Втором Всероссийском научно-методическом совещании деканов и заведующих кафедрами исторических факультетов университетов РФ, проходившем в Москве 28-29 июня 2005 г., отметил, что историческая наука переживает очередной период глубокой трансформации, вызванный, с одной стороны, постмодернистской «атакой» на историю, а с другой – глобальными изменениями во всех сферах мировой системы, что требует от профессиональных историков и организаторов науки и образования пересмотра как эпистемологических основ исследований, так и методики преподавания – и в средней, и в высшей школе (2). В ряде выступлений на данном совещании шла речь о необходимости изменения

структуры и содержания учебного процесса в вузах в новых условиях, в частности, подчеркивалась насущная потребность в углублении методологической и теоретической подготовки будущих историков при одновременном формировании у них навыков самостоятельной научно-исследовательской работы (3).

В постсоветской историографии, как справедливо отмечает Н.А. Прокуракова, существует некая теоретико-методологическая неопределенность, что проявляется в отсутствии ведущих теоретических школ и направлений и методологическом индифферентизме большинства профессиональных историков, которым присуща узкая специализация (4). В.В. Согрин выделяет проблему эпистемологического образования отечественных историков как «крайне актуальную». Он же отмечает, что, «по сути, этот наиважнейший предмет в качестве самостоятельного отсутствует в системе отечественного высшего исторического образования» (5). Вторая актуальная проблема в сфере теоретической подготовки отечественных историков, по мнению автора, это овладение методами междисциплинарных исследований с целью более успешного продвижения междисциплинарной методологии в исторической науке. Предпосылки для этого создаются за счет наращивания в современном отечественном общественном знании теоретического и методологического уровня тех социальных дисциплин, которые могут использовать в своей работе историки (6).

Таким образом, особенно явственной и ощутимой в современных условиях стала потребность повышения уровня теоретической подготовки историков в вузах на основе соединения научного (исследовательского) и учебного знания, превращения курса методологии истории в первостепенную, базовую теоретическую дисциплину высшего исторического образования. В широком значении методология истории изучает природу, принципы и методы исторического познания, она должна базироваться на онтологическом и гносеологическом знании, включать философско-исторический, эпистемологический, концептуальный и методический уровни проработки данной проблематики. Это предопределяет центральное значение вопроса о становлении и современном состоянии исторической эпистемологии. Важно не только рассматривать процесс эволюции парадигм в социально-гуманитарном познании в новое и новейшее время, в контексте которых и происходила выработка исторической эпистемологии, но и прочие обретения исторической наукой собственной эпистемологии, во многом стимулированной неокантианской эпистемологической рефлексией, из которой, как показал Б.Г. Могильницкий, выросла методология истории как самостоятельная научная и учебная дисциплина (7). Характеризуя современное состояние в данной сфере, Л.П. Репина подчеркивает два принципиальных момента: серьезные изменения, произошедшие в 1990-е гг. в результате «лингвистического поворота», и влияние историко-антропологического под-

хода, на основе которого интердисциплинарная история в конце XX в. совершила свой очередной виток – «культурологический» поворот. Последний, по ее оценке, привел к оформлению социокультурного подхода к изучению исторического прошлого с новой масштабной задачей – раскрыть культурный механизм социального взаимодействия. Большие надежды стали возлагаться на новую парадигму анализа, способную учесть творческую роль личности и механизм принятия решений индивидом и призванную, таким образом, обеспечить синтез индивидуального и социального в истории (8).

Ведущая тенденция в междисциплинарном взаимодействии истории и смежных социально-гуманитарных дисциплин на его современном этапе может быть обозначена как развитие трансдисциплинарных исследований. Репина отмечает, что в 1970-е гг. «перекрестное опыление» на уровне социально-гуманитарного знания охватывало все более обширные исследовательские поля, формируя в этом интеллектуальном пространстве новые, по существу наддисциплинарные предметные области, например такие, как *peasant studies*, *women's studies*, *cultural studies*, *gender studies* (9). Она подчеркивает, что новизна междисциплинарной ситуации уже в 1970–80-е гг. состояла в том, что в центре внимания оказались не только методики, но и объекты научных интересов других дисциплин (именно сам объект исследования стал конструироваться как поли/мультисциплинарный), что привело к переменам революционного масштаба в предметной области истории: в результате интенсивных междисциплинарных взаимодействий резкое расширение предмета истории, круга источников и методов исследования вызвало появление множества новых «гибридных» субдисциплин и значительное усложнение структуры исторической науки. В этой исследовательской ситуации все явственнее стал ощущаться перенос значения с дисциплин на проблемы, которые формулируются, по существу, как трансдисциплинарные: это проблемы, которые в принципе не могут быть поставлены в конституированных дисциплинарных границах (10).

Актуальность разработки проблем междисциплинарного синтеза определяется, как это очевидно, не только развитием практики взаимодействия и формированием наддисциплинарных предметных полей, но и пересмотром роли языка, культуры, повседневного опыта в человеческой практике и научном познании, антропологическим поворотом в истории. Необходимость изучения всех проявлений жизни человека прошлого – наделенного сознанием индивида, находящегося в центре исторического исследования, в единстве ее личностных и социальных характеристик предполагает использование теоретических наработок и методов психологии, социологии, антропологии, семиотики, лингвистики. В программе курса методологии должна найти отражение тематика, связанная с изучением традиции междисциплинарной кооперации истории и других гуманитарных и социальных наук, ее

развитием и трансформацией в современных условиях. В рамках данной темы в лекционном курсе целесообразно рассмотреть проблему концептуально-теоретических основ и методологических принципов междисциплинарного взаимодействия, необходимо ознакомить студентов с важнейшими мировыми и отечественными достижениями в этой сфере.

Особое внимание в разделе, посвященном современному состоянию исторической науки, неизбежно уделяется рассмотрению основных проблем исторического познания, порожденных эпохой постмодернизма, а также ответов на вызовы времени, вырабатываемых профессиональным историческим сообществом. Эти проблемы, в том числе вопросы о научности исторического познания, специфике его предмета и методов в последние годы стали предметом обсуждения в отечественной историографии, учитывающей опыт теоретических дискуссий на Западе. Разочарование в возможностях каузальных объяснительных моделей и макроисторического анализа во многом объясняют тенденцию индивидуализации прошлого как объекта исследования современной исторической науки. Несмотря на осознание неотъемлемой субъективности познания прошлого, историки отстаивают сохранение за своим ремеслом статуса научной дисциплины: оно основано на исторических источниках, имеющих объективный характер, созданных независимо от исследователя в разное время с разными целями, получено осмысленным (эксплицированным) методом, поддается воспроизведению, проверке и контролю со стороны профессионального сообщества (11). В целом для многих российских и зарубежных исследователей характерно стремление выработать «третью» позицию, чуждую крайностей объективизма и постмодернизма, «выстроенную вокруг ставшей в настоящее время центральной концепции опыта, несводимого полностью к дискурсу. Они исходят из существования реальности вне дискурса, независимой от наших представлений о ней и воздействующей на эти представления, однако переосмысливают свою практику в свете новых перспектив и признают благотворное влияние «лингвистического поворота» в истории постольку, поскольку он не доходит до того крайнего предела, за которым история и литература, факт и вымысел становятся неразличимыми и отрицается само понятие исторического знания (пусть и с учетом его специфики)» (12).

Особое значение в понимании современной историографической ситуации приобретает рассмотрение становления и эволюции антропологически ориентированной истории как главного источника инноваций в развитии методологии и методов исторического исследования в XX в. Актуальным является, в частности, изучение возникших под влиянием исторической антропологии (и отчасти ее продуктивной критики) родственных историографических течений: микроистории, истории повседневности, новой интеллектуальной, новой социальной, новой локальной, новой культурной, новой политической, новой экономической истории. В этой связи нельзя обойти

вниманием и вопрос об адекватных современной эпистемологической ситуации источниковедческих подходах. Определяющим становится переосмотр приоритетов структуры источниковой базы, переоценка роли источников личного происхождения, что инициирует разработку проблем аутентичности источника, методологию исследования «свидетельств живого наблюдателя», участника событий (13).

Главным содержанием методологии истории является теоретическое осмысление путей и методов исторического познания. Проблема метода является центральной, соединяя теоретический уровень и практику исторического исследования. Существуют различные определения метода исторической науки, отражающие эту двуединую его природу (14).

Обновление и обогащение содержания одного из главных разделов курса методологии – «методы исторического исследования» – является важнейшей задачей в преподавании данной дисциплины. Помимо общенаучных и специально-исторических методов большое внимание следует уделить анализу методов междисциплинарных. Достижения смежных социальных и гуманитарных, а также естественных наук не только оказывают влияние на способы исторической интерпретации прошлого, но и позволяют существенно расширить арсенал его средств, которые представлены научными методами. На наш взгляд, назрела необходимость расширения внедрения новых концептуальных подходов и методик не только в исследовательскую работу, но и в учебные курсы и программы как теоретического, так и конкретно-исторического характера.

В методологии, включающей в себя теорию научного познания (эпистемологию), связь теоретических подходов, принципов и методов исследования представляется бесспорной. Правила и приемы, составляющие сущность метода, во многом определяются пониманием целей, задач, объекта и предмета исследования, а также отношений между объектом и субъектом этого процесса, пониманием роли познающего субъекта. Указанные аспекты являются по своей сути мировоззренческими, тесно связаны с философскими основами исторического знания. Поэтому становление и развитие методов исторического исследования целесообразно рассматривать в контексте эволюции породивших их научных парадигм.

В широком значении метод исторического исследования включает в себя следующие компоненты:

- теоретические идеи и принципы, определяющие пути исследования объекта с учетом его специфики и характера поставленных целей и задач;
- нормы и правила исследования;
- процедуры, техники исследовательской работы с источниками.

В узком понимании метод включает правила, процедуры и техники исследовательской работы историка. Поскольку последние определяются теоретическими подходами и требуют обоснования и согласования, тео-

ретический аспект метода неизбежно входит органической составляющей в его структуру.

Рассмотрение методологии как теории научно-познавательной деятельности, направленной на разработку методов научного познания, имеет большое практическое значение в обучении студентов навыкам исследовательской работы. Оно позволяет использовать знание методологии для разработки технологии исторического исследования, имеющей определенный алгоритм. В курсе дисциплины важно показать и интерпретировать связь между используемыми историками теоретическими подходами, принципами и методами исследования. На семинарских занятиях целесообразно учить студентов выявлять концептуальные подходы, принципы, методы и технику исследования, используемые автором в том или ином конкретном историческом сочинении как определенную исследовательскую технологию. Знакомство студента-историка с современной научной парадигмой, исследовательской практикой и достижениями мировой историографии призвано способствовать стиранию грани между научным (исследовательским) и учебным знанием, выведению исторического образования в вузе на качественно новый уровень. Это будет залогом дальнейшей интеграции отечественной исторической науки в мировое исследовательское пространство при сохранении и развитии лучших традиций отечественной историографии.

1. Второе Всероссийское научно-методическое совещание деканов и заведующих кафедрами исторических факультетов университетов РФ // Новая и новейшая история (далее ННИ). 2005. № 6; Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. М., 2005; Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7; Репина Л.П. Опыт междисциплинарного взаимодействия и задачи интеллектуальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 15. М., 2005; Селунская Н.Б. Методологическое знание и профессионализм историка // ННИ. 2004. № 4; Согрин В.В. История исторической мысли XX века // ННИ. 2004. № 5; и др.
2. См.: Второе Всероссийское научно-методическое совещание... С. 4.
3. Там же. С. 11.
4. Проскурякова Н.А. Указ. соч. С. 154.
5. Согрин В.В. Указ. соч. С. 159.
6. Там же.
7. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Курс лекций. Вып. 1. Кризис историзма. Томск, 2001. С. 59.
8. Репина Л.П. Опыт междисциплинарного взаимодействия... С. 10.
9. Там же. С. 7.
10. Там же. С. 8, 10.
11. См.: Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996; Румянцева М.Ф. Историческая наука и художественная литература: от модерна к постмодерну // История России XIX – XX веков: Новые источники понимания. М., 2001; Её же. Ис-

торическая антропология в условиях кризиса метарассказа // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2001/2002. М., 2002.

12. См.: Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории (Часть 2) // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 15.

13. Селунская Н.Б. Указ. соч. С. 35-36.

14. Иванов В.В. Методология исторической науки. М., 1985. С. 97; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 39; Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 58; Визгин В.П. Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы // Одиссей. С. 39.

Зубков К.И.
(Екатеринбург)

**Категория «исторический опыт»:
эволюция методологических подходов**

В настоящее время, несмотря на существенное углубление представлений о природе исторического познания, в применении к нему столь часто используемая историками категория «исторический опыт» является явно недостаточно разработанной в теоретико-методологическом плане – особенно в аспекте соотношения онтологического статуса этого понятия с содержанием и динамикой исторического развития. Между тем, актуальность этой методологической проблемы объективно возрастает ввиду острой общественной потребности в корректном использовании исторического опыта – прежде всего, основанных на нем алгоритмов экспертизы, анализа и прогнозирования – в современной социальной практике.

Категория «опыт», достаточно полно разработанная в общефилософском плане, в применении к исторической онтологии и историческому познанию пока что характеризуется недостаточно глубоким теоретическим осмыслением, слабой методологической сопряженностью разнообразных ее трактовок и ракурсов изучения. Между тем, постановка задач извлечения социального опыта из прошлого развития человечества со времен античности характеризует одну из важнейших функций исторической науки и основанную на ней влиятельную традицию историописания – *прагматическую* (Фукидид, Полибий). Прагматически-ориентированная систематизация исторических знаний позднее определила творчество виднейших историков эпохи Ренессанса (Н. Макиавелли, Ж. Боден), у которых категория «опыт» уже приобретает значение не только функции исторической науки, но и определяющего ход истории механизма социального действия.

В эпоху Нового времени, как отражение философского спора между эмпиризмом и рационализмом, определились два основных подхода к трак-